

Сергей БОРОВИКОВ

СОВЕТСКИЙ ПОЭТ

1.

Когда мы сблизились, мне было сорок, а ему за шестьдесят, но знал я саратовского поэта Исаю Григорьевича Тобольского с детства.

Первое воспоминание относится к августу 1955 года, когда отмечали 50 лет моему отцу. Было торжественное собрание общественности в Доме ученых с речами и подарками, главный из которых от художников – чернильный прибор из раскрашенного гипса, изображавший Иванушку в оранжевых лаптях, с зеленой щучкой и туеском-чернильницей, стоял на письменном столе до 1966 года, когда моя супруга разбила щучье веление, стирая с него пыль.

Но собрание собранием, а застолье отец устроил дома, где на три комнаты приходилось 34 кв. метра. Было очень тесно, меня за стол конечно не сажали, и я шнырял туда-сюда, из дома во двор и обратно. Помню, на дворе было уже темно. Может быть потому, что гости, мужчины по преимуществу, были в белых штанах, а в палисаднике под нашими окнами белели табаки. Тёплая темнота, в которой я часто отлучаюсь на улицу, любопытствуя на то, как гости перемещаются туда-сюда, покурить-поболтать и пописать.

Явление Тобольского было шумным и подготовленным – отодвинули стулья для выступавшего с комическим номером поэта. Он исполнил стишок «У попа жила собака» как драматический чтец, затем как эстрадный тенор, и наконец как опереточный куплетист, что привело меня в восторг, настолько ловко он бил чечетку, хлопая себя по коленям.

А спустя какое-то время вижу, как он с непостижимой быстротой рвёт на себе белую рубаху. Слышу голоса: «Гене, Гене звоните!» И опять в темноте я хожу на улицу и обратно и вот вижу, как к рыдающему поэту подводят смущенную коротенькую женщину, которую я знал, когда, гуляя с родителями на набережной, останавливались у газировочной тележки, где стояла она в белом переднике и чепце – Геня, Евгения Генриховна Тобольская.

Следующие, уже регулярные, общения начинаются с весны 1961 года, когда мы въехали в новые квартиры в новом доме на набережной Волги, которую еще не называли именем космонавтов. Долгожданному переселению предшествовала долгая борьба за большие квартиры, в счет долевого строительства на средства Литфонда, на которые претендовали и Боровиков с Тобольским. Но получили тогда в центре (набережная еще не считалась центром) не они, а Григорий Коновалов, Екатерина Рязанова и некто Лозгачев, которого надо объяснить.

Википедия: «Георгий Яковлевич Лозгачёв-Елизаров (1906–1970). Родился в семье саратовского железнодорожного обходчика (по другим данным дворника) Якова Ивановича Лозгачёва и его жены Февронии Игнатьевны. Был вундеркиндом (*источник не указан*). В 1912 году усыновлён Марком Тимофеевичем Елизаровым и Анной Ильиничной Ульяновой-Елизаровой (сестрой В.И. Ленина). Проживал в Санкт-Петербурге с новыми родителями, где учился в коммерческом училище.<...> В 1950-х гг. начал писать книги. В 1959 году была выпущена книга его воспоминаний “Незабываемое”, где автор вводит в научный оборот материалы из своего личного архива, неизвестные ранее фотографии». Википедии¹ неведом источник, но я видел в дореволюционном журнале статейку

¹ К достоверности Википедии: в Саратове никогда не было Коммунистической улицы, на которой якобы жил Лозгачев, была Коммунарная, она же Соборная.

«Мальчик-вундеркинд», с фотографией трехлетнего Горы с саратовской гармошкой, который уже умел читать.

После книги «Незабываемое» офицер стал специализироваться на воспоминаниях о Ленине, выступая на многочисленных встречах.

«С гордостью показал я свою красную комсомольскую книжечку Владимир Ильичу. Из частых бесед со мной, когда я навещал его в рабочем кабинете, он был прекрасно осведомлен о нашем детско-молодежном движении. Во время своих прогулок по Кремлю он всегда останавливался возле нас и, окруженный постоянно стайкой ребят, с интересом расспрашивал о жизни “Кружка детей Кремля”.

– Ну, что же, поздравляю, Гора, – сказал Владимир Ильич, полюбовавшись моим комсомольским билетом, – становись теперь старше и умом и учись хорошенько, товарищ комсомолец и будущий большевик! Впрочем, ты ведь давно уж большевик, – с лукавой улыбкой заключил Владимир Ильич». И т.д.

Насколько правдивы воспоминания взрослого Горы, судить не могу, но ведь есть кадры кинохроники, где он рядом с вождем, а главное, что ИМЭЛ (институт изучения Маркса – Энгельса – Ленина), бывший цензором всех публикаций о Ленине, книгу Лозгачева к печати допустил. В городе его за глаза называли сыном Ленина, хотя все и знали, что у вождя детей не было. В Союз писателей однако не приняли. Был он дядька неприятный, хромой, сильно пьющий и агрессивный.

Еще в дом на Коммунарной попала творческая элита: балерина, народная артистка Вера Дубровина, автор балета «Девушка и смерть» композитор Ковалев, ректор консерватории Христиансен, актер театра драмы Юрий Каюров, сыгравший в кино молодого Ленина.

Мы же получили трехкомнатные квартиры на набережной, дом 5, Тобольский на 3-м, мы такую же на 4-м этаже. Ему лучше этаж, но на пятерых, тогда как нас было трое. Я бродил по просторным комнатам, глядя на Волгу, когда с лестницы донеслись удары и крики «топор!». Когда мы с мамой выскочили, на площадке увидели у двери его квартиры Тобольского, который колотил в запертую дверь, крича «Топор где, дайте топор?!», и в ужасе отходящую соседку Светлану Бах, декана филфака университета, где ещё предстояло учиться мне и Левке Тобольскому. Попозже Исай поднялся к нам: «Маша, прости! – Да что я – перед Бах извиняйся». Причиной гнева был испортившийся замок, который Исай намеревался взломать топором – ждать он не любил.

И начали мы соседствовать до 1974 года, когда разменяли наши квартиры.

У нас дома праздники не отмечали. Внизу же 7 ноября, 23 февраля или 8 марта с раннего утра было шумно, брэнчало пианино, хозяин пел песенки на свои слова. В 1965-м, в первый год совместного ученья на филфаке, нам с Левкой предстояло идти на октябрьскую демонстрацию, и рано утром я зашел за ним. С криками хозяин усадил за накрытый стол и налил нам по большой рюмке водки. Был он принаряжен и возбужден: праздник!

Вообще с ним мне было интереснее и легче, чем с отцом. Ведь я рос в очень чопорной семье. Крика не помню, но и душевности тоже. Все отношения были словно под водой. К примеру, не слышал, чтобы родители повздорили. Все это и неплохо выглядит, особенно для тех, кто живет в скандале и крике, что и у нас недолго было, когда старший брат женился, стал пить и поколачивать жену. А на набережной враз воцарилась тишина. Полная невозможность откровенности не просто воспитала, но, как я сейчас понимаю, и навсегда меня испортила. А чопорность, чтобы представить... ну вот, мать с кем-то разговаривает и вдруг, глядя на меня, запинается, и, вздохнув, говорит: «Ладно, ты уже большой, при тебе можно».

Какое же слово ее остановило? Беременная!

А то, что мне на Яблочкова велели выходить из комнаты, если по телевизору, как казалось родителям, было для ребенка недопустимое... Какие же непристойные фильмы могли тогда показывать? Не забуду, как меня удаляли с «Тихого Дона», «Грозы», «Петра

Первого», и я по звуку за стенкой пытался вообразить то, что на экране происходило... нет, не хочу множить примеры и прикасаться к тому, что возникало тогда в моей душе.

И вот сосед Тобольский, который между прочим мог мне рассказать, как мать Мария Самуиловна выпорола его, когда застала в группе онанирующих мальчишек. И здесь подчеркну, что он вовсе не был похабником. Матершинник зато был отменный, а у нас дома под запретом было даже «говно».

То, что в этом тексте я иногда называю его по имени без отчества, как то делали все коллеги, говоря о нем в третьем лице, разумеется не означает, что и я так делал даже в годы дружбы.

2.

Итак, в 1985 году мы подружились. Почему я точно помню год? Потому что началась дружба с недолгого, но крайне тягостного для меня пребывания в жениховском статусе, когда из ничего вдруг возникло, что меня собираются назначить главным редактором журнала «Волга», откуда годом ранее я ушел с должности зав. отделом прозы (см. «Третий», Волга, 2020, №1-2). Да и сам я, никогда прежде о том не помышляя, как-то очень реально понял, что назначат именно меня. Тягостным было не столько ожидание, сколько сопровождавшие его звонки, особенно часто Тобольского. Разговор начинался с вопроса, был ли я уже в обкоме, а продолжался уверениями в точности информации о моем назначении. Естественно увидеть за этим своекорыстный расчет, но какой? На будущие публикации? Но «Волга» и так его печатала, за исключением поэмы «Исповедь», это тема отдельная, к тому же писал он мало и в общем-то куда качественнее, чем раньше, и препятствий с публикациями не могло быть.

Его активность стала понятна в первое же время моего, так сказать, пребывания у власти, когда он возникал в редакции ежедневно, с очень деловым видом, как бы демонстрируя, что его здесь ждут. Он уже назначил себя на роль гуру при молодом редакторе, продолжая старинную традицию умного еврея при губернаторе.

Увы, я не доставил ему этой радости. На попытки чрезмерного внедрения в редакцию ответил четким разделением между общением на службе и за выпивкой. И однажды за стаканом объяснил, что должен быть предельно (его любимое словечко) осторожен в общении. Заговорил я об этом, когда зашла речь о новом составе редколлегии, куда он не вошел, но, думаю, рассчитывал.

Не раз наблюдал его трусость. Вот шумно наезжает на собрании на Коновалова, уличая того во всяческом своекорыстии, на что тот лишь отмахивается, а по окончании первым подскакивает к нему поближе, убедительно напоминая: «Ты ведь меня знаешь...»

Вот сидим мы рядом на заключительном заседании съезда писателей России, когда зачитывают список членов правления, и он подпрыгивает в кресле, бормоча мне на ухо: «Сейчас тебя назовут!» Не скажу, что мне было вовсе безразлично, но и волнения тоже не помню. И вот меня уже не назвали, а он продолжает подпрыгивать, уже с явной радостью в глазах, но бормоча: «Пойду и выступлю!» Сидящая с другого бока от него зав. отделом культуры обкома Зоя Ларионова спокойно бросает: «Я тебе пойду, сиди!» И он сидит, бормоча: «Сейчас выступлю!» Потом я узнаю, кому именно я обязан неизбранием: Марьяна Зубавина из аппарата Правления рассказала, что Ларионова побывала у них на Комсомольском, 13 и именем обкома убедила вычеркнуть меня как пока ненадежного. «Но я тебя хоть в Ревкомиссию засунула, а то неприлично – ведь главный редактор».

И что, меня хоть в малой мере задел тот цирк? Ольга Авдеева когда-то сказала, что я напоминаю ей стихи Евтушенко: «Я делаю себе карьеру тем, что не делаю ее!» Но сейчас, на закате жизни, думаю, что надо было бы так относиться к личной жизни.

Еще помню, как нисколько не обиделся, когда мне рассказали, как на партийном собрании он сообщил, ему больно видеть меня, возвращающегося с работы в нетрезвом виде. Смешно, что днем раньше и я видел его в том же подъезде в куда более пьяном, чем я, виде. А на собрании обсуждали за пьянство зам. гл. редактора «Волги» Дедюхина, а

Тобольский и выступил для обвинения того еще и в спаивании младшего товарища. Вообще, тогда было в обычае на этих обсуждениях-судах то, что коллеги меняются ролями.

Особенно он бывал находчив, когда требовалось что-то добыть. Как-то и мне и ему понадобились книжные полки и холодильники, и мы знали, какие именно: чешские полки и московский холодильник ЗИЛ. И был его мастер-класс. Везде нас принимали заведующие, миловидные полноватые женщины лет сорока.

– Здравствуйте, надеюсь, наши имена вам знакомы. Разрешите представиться, я – поэт Исая Тобольский...

И улыбка хозяйки подтверждала – знает, слышала...

– ...а это главный редактор...

И мне доставалась вежливая улыбка.

– Нам необходимы два холодильника марки «ЗИЛ».

– Видите ли, сейчас мы можем предложить лишь «Орск».

На лице Исаи волшебным образом улыбка внимания сменялась саркастической улыбкой недоверия.

– Вы, видимо, не расслышали, – ласково, как ребёнку, пояснял он. – Я сказал: «ЗИЛ», а не «Орск».

А где-то еще, где был предложен уже «Минск», большой, как ЗИЛ, но не столь дефицитный, он варьировал:

– Нет, вы отказываетесь понимать: к вам пришли не просители с улицы, а известные далеко за пределом Саратова представители писательской общественности.

Словно бы мы зашли не с улицы и не были просителями! Но закончилось двумя ЗИЛами. И еще он потребовал бесплатной доставки, и потом мне рассказал, что был крайне разозлен на дочь, когда узнал, что доставщики взяли с неё четвертной.

Полки мы получили где-то на базе за Энгельсом, ехали с ними в кузове открытого грузовика, я и сейчас вижу его счастливое лицо с дымящей на ходу сигаретой, и мне становится весело.

Насколько его оборотистость проявлялась в делах? Ведь не от хорошей жизни его жена пошла в газировщицы. Он был, по определению авторов «Двенадцати стульев», кипучий лентяй. Если собрать всё, им написанное и, соответственно, опубликованное, то от силы наберется книга среднего формата страниц максимум на триста.

Если же обозреть его общественно-политическую деятельность, то при мне он дважды был на относительно важных должностях: заведующим отделом поэзии журнала «Волга», где он продержался года полтора, и уполномоченным литфонда по Саратовской области.

Должность уполномоченного Литфонда требует пояснения. Я уже сказал, что квартиры писателям город строил за счет долевого участия средств Литфонда, в чьей собственности было примерно 15 так называемых домов творчества писателей, которые для творчества предпочитали в зимнее время подмосковные Переделкино, Малеевку и Голицыно, ленинградское Комарово и рижские Дубулты, а для летнего отдыха с семьёй Гагры, Пицунду, Коктебель. Любопытно, что Тобольский и его семья никогда в домах творчества не бывали, лишь однажды уже стариком он долго жил в Переделкино, пока в Москве лечили внука.

Сам Литфонд находился в Москве, а на местах были его уполномоченные. Понятно, чем они занимались.

Нет, упаси Бог, не тем, о чем может подумать развращенный криминальной информацией современник, они старались как могли добыть денег на жилье, удовлетворить заявки на дома творчества, и хоть на них хронически обижались, но старались дружить. К тому же уполномоченный получал хоть и меньшую, чем ответсек, но сравнительно по тем временам приличную зарплату. Естественно, что за должность боролись. В основном Тобольский с Рязановой, в процессе борьбы ставшие врагами, но

она победила, когда его сняли за любовный скандал, которого я еще коснусь.

Была ещё кормушка в виде руководства объединениями или студиями начинающих литераторов. Кто-то вспоминает и о руководстве Тобольского какой-то литературной студией, но я был свидетелем лишь того, как однажды, когда Тобольский недолго был литконсультантом при СП, на собрании молодых он довел до истерики Яшу Удина шуткой про большие носы. У него огромный нос был главной портретной принадлежностью лица, а у Яши был обычный кавказский размер, но карабахский парень, удин по национальности, обладал повышенной мнительностью и еврейского юмора не принял. Есть и еще свидетели его наставничества. Журналист Борис Плохотенко: «А я вспоминаю, как познакомился с Тобольским. 11 апреля 1981 года был последним днём семинара молодых поэтов Нижней Волги (из Саратова, Волгограда, Астрахани). Действие происходило во Дворце пионеров. Я был зрителем-слушателем в группе, в которой участвовал Николай Кононов. Сначала читал свои наработки молодой инженер с Астраханского рыбокомбината. Жюри из трёх членов Союза писателей, представлявших каждый из трёх городов Нижнего Поволжья, послушав, стало вяло высказываться, когда появился жданный гость – Исай Григорич. Он сел на стул перед столом президиума. И тогда предоставили слово Кононову. Коля удивил, прочитав не заявленные ранее стихи, а новые тексты, чем ввёл жюри в некоторый ступор. Представляете? Членам СП надо было срочно встраивать в свои критические речи примеры из вновь услышанного. И слово взял Исай Григорич. Афористичное слово: “В то время как советская молодёжь активно участвует в строительстве коммунизма, едет на всесоюзные ударные стройки коммунизма, лирический герой Кононова едет на лошади по кругу. Куда, почему? Разве ради такой молодёжи мы победили фашистов?!...” Тут я, четверокурсник филфака, позволил себе бестактность и заявил, что подобный вульгарно-социологический подход к поэзии недопустим. Возникла полемика, на пике которой Исай Григорич достал из кармана пиджака толстое портмоне. Трясущимися руками достал и стал извлекать из него то ли ветеранскую, то ли инвалидскую книжку: “Я инвалид (ветеран) войны! Я сюда из госпиталя специально приехал!” По-моему, мне хватило ума не съязвить по поводу необходимости приезда. Но не спросить, причём тут инвалидность, когда речь о поэзии, я не мог. В общем, разнервничался Исай Григорич, как-то всё скомкалось, показательной порки не получилось» (ФБ.18.01.21).

Но продолжаю о возможностях заработать. Редко бывало, когда, сделавшись членом СП, человек продолжал трудиться по бывшей специальности. На моей памяти, не считая профессор-филологов, таких и не было. Но когда появилась оплачиваемая ставка синекурной должности литконсультанта при отделении СП, вокруг неё тоже закипели страсти. Примечательно, что на редакционную – в газетах, двух журналах, двух издательствах, телерадио – не очень охотно брали так называемых писателей. Вкратце могу объяснить это тем, что принятые в члены Союза писателей обычно очень быстро отвыкали от необходимости принудительного труда, одновременно резко повышая в собственных глазах социальный статус, что главные редакторы отлично знали. На моей памяти в «Волге» было только три-четыре «члена», в Приволжском книжном издательстве постоянно лишь один, в журнале «Степные просторы» и на телерадио – ни одного. Их не было ни в театрах, ни на студии кинохроники. И хотя в члены СП как правило попадали журналисты, было какое-то негласное (а в нетрезвом виде и очень гласное) противостояние, когда одни других презирали и за то, что было, и за то, что есть.

Еще подкормиться помогало общество «Знание», которое наряду с учеными привлекало и писателей. Но для платной лекции требовалась не выразительная читка своих стихов, а какая-никакая, но связно изложенная информация.

И учреждение Всесоюзного бюро пропаганды художественной литературы в конце

шестидесятых², с отделениями при областных писательских организациях было нешуточным подарком тем, кто желал не служить, а творить, но творил настолько или плохо или мало, а точнее и плохо и мало, что на жизнь даже скудную не хватало.

Если у прозаиков случались затруднения со сценическим исполнением своих сочинений, то у поэтов, тем более такого артистического темперамента, как наш герой, их быть не могло, если ему чего-то на публичном выступлении и не хватало, так это только времени. И вот за одну встречу стало возможно получить 15 рублей (из них 5 отдать в бюро). Бюро выдавало путевку, на которой принимающая сторона оставляла оценку выступлению гостя и штамп своей организации. Тут Тобольский и развернулся. Сужу об этом по отчетам на собраниях заведующего бюро пропаганды. Помню на этих должностях двух бывших актеров, тюзовца Гусева и Смирнова из драмы. Последний однажды оконфузил нашего Николая Елисеевича³, устроив о нем вечер. В отделение СП, недавно переехавшее из одной комнаты в «Волге» в помещение, составленное из трех квартир, Смирнов привел не меньше десятка своих списанных коллег, которые, конфузясь, переоделись в комнатухе бухгалтера, и когда постановщик включил магнитофон с песнями на слова Есенина, ветераны сцены в сарафанах и расшитых рубахах стали кружиться вокруг красного как рак Шундика, вынужденного встать в центр хоровода. Тогда впервые я его пожалел. Так вот из того, что мы слышали в отчетах, выходило, что первое место по числу платных выступлений всегда держит Тобольский. Информация вызывала кривые улыбки и возмущенные комменты коллег. Начинались долгие некрасивые препирательства, где фигурировало не только число выступлений и, соответственно, заработка, но и место, где выступал коллега, в городе или на селе, а если на селе, то далеко ли от города. Звучали и обвинения в приписках, здесь обычно разоблачителем выступал тот же Тобольский, упирая на широкую дружбу второго по числу выступлений Ивана Малохаткина с руководителями хозяйств, основанную на совместном распитии спиртных напитков.

Рекордсменом Исай Григорьевич был еще в одной области, и это опять-таки озвучивалось на собраниях.

В том, что пишущие стремились стать членами Союза писателей, играло большую роль то, что пребывание там социально приравнивало к труженикам любых профессий, шел трудовой стаж, оформлялась пенсия, и – внимание – оплачивалась временная нетрудоспособность, словно боля гриппом было невозможно писать поэму.

Больничный лист оплачивался из расчета ежемесячного заработка 120 рублей не дольше двух месяцев подряд и не больше четырех месяцев в году. И товарищи по перу знали, что до дня в СП использует этот срок один из них.

В советское время писатели Саратова лечились не в обычных лечебных учреждениях, а были прикреплены к больнице, которую в городе по старинке называли партактивской. Там работала моя вторая жена, и я узнал, что Тобольский со всеми сдружился прямо-таки по-родственному, за глаза его называли только Исай, а он, помимо общений и болтовни, радовал и больных и медиков своими выступлениями, где сам был и конферансье и исполнитель.

С возрастом он нисколько не угомонился. Молодой исполнял «У попа жила собака», а вот вспоминаю так называемые творческие семинары брежневской эпохи. Для единения с народом художников, писателей, актеров собирали в горькоме партии и, после неустомительной официальной части, везли автобусами в недалекие хозяйства или на предприятия, где после экскурсии гости давали концерт, после которого хозяева гостей кормили, а главное, поили. Тобольский был центром, приобретая даже свои штампы: перед выступлением просил водички и, взяв в руку стакан, спрашивал: «Не разбавленная?»

² К сожалению, не сумел найти точную дату. Бюро при «патриотическом» СПР существует и сейчас, но в своих многочисленных печатных интервью его многолетняя шефиня Алла Панкова ни словом не вспоминает о советском предшественнике, хотя и начинала там.

³ Шундика (прим. ред.)

Живо вижу, как крупная, полная актриса драматического театра Людмила Муратова, раскачиваясь от непрерывного смеха, отпихивает от себя Тобольского, вскрикивая: «Хулиган! Хулиган!»

Да, в жизни он был интереснее своих стихов.

3.

Мой друг Алексей Голицын навёл меня на публикацию работницы Саратовского архива Надежды Гусевой (oldsaratov.ru/forum/poety-i-pisатели#comment-20317).

«Встретила метрическую запись о рождении поэта: ГАСО Р3755.2.11.

4-й район г. Саратова Актовые записи ЗАГС о рождении за 1921 год

26 августа родился Исаак Тобольский

отец Григорий Тобольский, извозчик, 31 год

мать Мария Тобольская, 21 год

место рождения и проживания родителей Цыганская улица,

дом № 2

второй ребенок

за неграмотного Григория Тобольского расписался...»

Я и сам вот что обнаружил:

«Встретила запись о браке 5 августа 1918 году Тобольского Герша Ицковича, гражданина Скидельска Гродненской губернии с девицей Барам⁴. (ГАСО, ф. 637, оп. 2, д. 37776). Предполагаю, что это родители Исая Григорьевича» ([oldsaratov.ru > forum > poety-i-pisатели](http://oldsaratov.ru/forum/poety-i-pisатели)).

Значит, он родился в двух шагах от синагоги на ул. Гоголя, и, вероятно, раввин после обрезания подал, как положено, эти сведения в ЗАГС Волжского района, который тогда назывался 4-м.

Что отца-извозчика он называл рабочим, вполне в духе времени. Удивительна же неграмотность тридцатилетнего еврея в 21-м году в большом городе – неужели и бабелевские извозчики не могли расписаться? Я никогда не слышал от Тобольского про отца, а мать Марию Самуиловну, конечно, хорошо знал. Из прозы деревенщиков мы узнавали про русских старух, а это была сильная еврейская старуха, которую знаменитый сын побаивался. Говорила она с заметным акцентом, но не столь сильным, как у ее снохи, родившейся и выросшей в Польше. Вот, попытаюсь воспроизвести ее возмущение, когда кто-то сказал, что ее внук пьёт: «Лёва пёт! Лёва в рот не берет. Зачем говорят? Исая выпил, домой пришел, я его ту, ту! он спит». С ней любила беседовать моя мама. Как-то с удивлением передала её слова о живущем в соседнем подъезде зубном враче, здоровенном мужике, примерном семьянине и хозяине: «Наш жидок!» В мамином представлении это слово, да еще в устах еврейки, немыслимое.

Брат Исая Давид тоже был фронтовик, потерял ногу и жил, кажется, в Астрахани. О другом брате, точнее муже двоюродной сестры, израильтянине Натане мы впервые узнали из поэмы «Исповедь», о которой я еще выскажусь.

Про бабушку я рассказал, а Евгению Генриховну еще вспомню. С Левой в 1965 году мы оба поступили на филфак СГУ с той разницей, что я сразу после школы, а он курс или два отучился в медицинском. Я бы много мог вспомнить о скончавшемся в 2005 году Льве Тобольском, но тема этого очерка его отец.

4.

С благодарностью к Алексею Голицыну использую для своего текста обнаруженный им протокол закрытого партийного собрания с повесткой дня «Персональное дело И.Г. Тобольского», выдержки из которого необходимо процитировать.

⁴ Вспомнил, как в каком-то споре о фамилиях он сказал: «Фамилии ерунда, моя мать в детстве была Машей Барановой».

«Б.В. Дедюхин рассказывает о сути дела. 5 июля И.Г. Тобольский оскорбил в рабочее время в журнале М.Г. Носкову. Учитывая, что М.Г. Носкова не подала заявление, бюро партийное решило ограничиться обсуждением.

Но Тобольский повел себя неправильно. Не дал партийной оценки своей позиции, бюро дало ему выговор.

И.Г. Тобольский. Сейчас трудно выяснить все причины, истинность того, что произошло тогда. Я не нахожу возможности оправдываться. И не буду. Я заслуживаю сурового ответа. Усложняется это тем, что я не могу представить ни одного оправдательного мотива, т.к. я мужчина. Но я не ударил Носкову. Я замахнулся, но не ударил.

А.П. Давыдов.

В чем дело? Из-за чего вышел спор?

Н.Е. Палькин. Рассказывает о сути дела. Приехал Стрыгин⁵. Носкова спросила: он (Стрыгин) молодой или старый. Тобольский начал ее обзывать.

Г. Лозгачев-Елизаров. Меня поступок Тобольского не удивляет. Все, кто в парт. собрании 10 лет, знают, что за фигура Тобольский. Мы либеральны, либерален обком, райком. Мы знаем Носкову, как хорошего работника. Я ее не обвиняю, а с Тобольским возились много. Меня всегда удивляло его двоеженство, непартийное отношение.

М.В. Чернышевская.

Сколько я в партийной организации, я всегда слышу: Тобольскому строгий выговор. Сколько же можно? Носкова – хороший человек. Я считаю, что бюро слишком мягко обходится с Тобольским.

Г.Ф. Боровиков.

У меня вопрос: что бы сделал Тобольский, если бы отец двух детей соблазнил его дочь. Обещал жениться и не сдержал слова?

Г.И. Коновалов.

Тобольский несколько лет раздевает себя догола. Мы же пили за Носкову, как за жену Тобольского.

И.Г. Тобольский. У нас была хорошая дружба с Носковой. Она – благородный человек и сама не хотела, чтобы у нас распалась семья. 22 года я честно заботился о каждом из вас, будучи уполномоченным Литфонда. Бухгалтером была Носкова. У нас были хорошие отношения. 11 лет я был членом бюро. Я понимаю, что заслужил самого высокого наказания, но я прошу вас, моих товарищей, учесть всю нелепость ситуации. Я год в журнале, мне это удастся, руководство журнала довольно мной. Я прошу вас учесть, что я еще не утвержден на должности заведующего отделом. Я прошу смягчить мне приговор. Я никогда не дам повода, чтобы еще раз обо мне где-то зашла речь».

На этом протоколе оборвана последняя страница, но дату примерно можно установить по словам Тобольского: в «Волге» он работал в 1969-70 году. Тогда отделение СП (ответсек Палькин и бухгалтер Носкова) находилось в общем с журналом помещении. Прочитав протокол, я хоть и был в теме, впервые услышал о вроде бы женитьбе Тобольского на Носковой, но от себя кое-что дополню.

Марию Григорьевну Носкову я знал с детства, когда ходил к отцу в отделение СП сначала в Доме ученых, а потом в Когиз, как с тридцатых годов называли саратовцы здание на углу пр. Кирова и Вольской, где на первом этаже был самый большой книжный магазин, а верхние этажи занимали облуправление полиграфии, облкниготорг, Саробллит (цензура). Была М.Г. славянски пригожа, статна и румяна.

И мы с мамой стали свидетелями того, как Исай Григорьевич уходил. Подобной сцены я не видел и уж конечно не увижу. Вышли мы тогда на шум с нижней площадки, естественно с голосом Исае, но главное, и женскими голосами. Мать и жена стояли в

⁵ Стрыгин Александр Васильевич (14. VIII. 1920, д. Беломестная Криуша Тамбовского у. – 16. IV. 1999, г. Краснодар) – прозаик, драматург.

раскрытых дверях, он уже сходил на лестницу. Мария Самуиловна что-то выкрикивала, думаю, на идише, а Евгения Генриховна вслед ему хлопала в ладоши. Полвека прошло, но они стоят перед глазами.

Не знаю, как долго И.Г. прожил у Носковой, вероятно месяц-другой, и вернулся. Даже тогда я вполне оценил комизм его объяснения, которое все цитировали: вернулся, узнав, что сноха Ольга уехала учиться, значит Левка в её отсутствие так изблядуются, что его семья рухнет. К тому же времени относится противный эпизод с участием поэта Малохаткина. Выглянув к окну, я увидел его внизу и стоявших на балконе маму и жену Тобольского. Малохаткин их поприветствовал и спросил, где хозяин, а когда они с готовностью сообщили, что ушел, тот, гадко ослабившись, громко сказал: «Понимаю, к Маше пошел».

Сложный роман поэта и бухгалтера продолжался еще долго, обрастая новыми яркими деталями, из которых помню какое-то, уже при моем участии, большое писателей, редакции и обкомовцев застолье в малом зале ресторана «Волга», когда Носкова убежала от каких-то его ревнивых домыслов. И меня, как самого молодого, послали её вернуть, и уже на лестнице обогнал на бегу надевавший пальто Тобольский. Была зима, шел снег, он кричал: «Маша, вернись, а то меня из партии исключат!» И вдруг словно бы ринулся с тротуара под проходивший троллейбус, демонстрируя готовность к суициду.

Адресовал он ей стихи, где даже каясь, собой любовался:

*Даже разум –
Сердцу не указка,
Всякое бывает в долгий век...
Женищину,
Хорошую, как сказка,
Полюбил женатый человек.*

*Но ушел он от своей удачи,
Чуть не задыхаясь от тоски...*

*Верно всё...
И всё-таки иначе
Сильный поступает по-мужски!..*

Конфликты и скандалы всегда сопровождали Тобольского, что нельзя объяснить лишь его повышенной возбудимостью. Ну, вот.

До самого выхода на пенсию, редактором в отделе прозы «Волги» работала В.А. Коркина, которой я уделил немало страниц в своем мемуаре «Пика, трефа, бубна, черва», напечатанным в моей книге «Пустая полка» (Саратов. 2018).

Редакция, рабочий день, и вдруг из кабинета Шундика словно волокут что-то. Выскочив в коридор, я вижу, что он пуст, однако тут же у выхода возникает пунцовый Николай Елисеевич, оборачивается и кричит: «А сейчас руки пойду мыть!» И я видел, как из его кабинета вышмыгнула красная до синевы Коркина. Можно предположить, что разборке положило начало упоминание Людмилы Алехнович, подруги Коркиной и сердечной привязанности Шундика. А Исаю Григорьевичу, увы, было присуще словно бы прилипать ко всему, что скрывалось, и вытаскивать это на свет божий. И очень вспыльчивый Шундик схватил, судя по финальной реплике, с некоторым мордобитием, говоруна и выкинул из редакции. Потом долго его не прощал. И бывало, вечером Дедюхин и я могли наблюдать, как тот скребся с улицы в огромные стекла кабинета, а Шундик махал туда рукой, дескать изыди, но в конце концов они помирились.

Однажды он выкинул номер, какого и от него не ждали.

Я лежал в той самой больнице с подозрением на инфаркт, когда однажды рано

утром мне в палату позвонил Тобольский и закричал, что сейчас покончит с собой из-за польской курвы. Я не поверил, но он действительно наглотался снотворного и вскоре очутился в той же больнице, что и я. И поведал, что приревновал свою старенькую жену к событиям полувековой давности, когда польские евреи, спасаясь от Гитлера, бежали в СССР, и по дороге у юной Гени случился эпизод с молоденьким парнем, о чем она вдруг вспомнила и зачем-то рассказала супругу. И он наглотался каких-то таблеток и оказался в той же больнице, где и сообщил в деталях о случившемся. Впрочем, серьезные отравления лечили не там.

5.

Журналистское прошлое Исаея Григорьевича прошло много раньше наших общений, и я пользовался тем, что нашел в книгах и в Сети.

Информация порой противоречивая.

Вот газетные за 13 и 18 апреля 1941 года вырезки публикаций его стихотворных текстов «Весна», «Коварство и любовь», где под первой обозначено «член литературного объединения при редакции газеты “Молодой сталинец”», под второй – «Завод имени Ленина». Но все биографические источники сообщают, что в 1940 году он был призван в армию. Как же в 41-м он мог трудиться на саратовском метизном предприятии?

Или сообщается о том, что после войны он был редактором многотиражки Саратовского мединститута, чему подтверждения я не нашел.

А вот. «Он много работал в печати, был редактором районной газеты». Здесь я сошлюсь на информацию от своего отца Г.Ф. Боровикова, который не отличался выдумкой и не склонен был к фантазиям и сплетням. И он мне рассказывал, что после войны ему как начальнику управления полиграфии пришлось возглавлять комиссию облисполкома по расследованию информации о том, что редактор газеты Ворошиловского (ныне Саратовский) района поэт Николай Корольков и литсотрудник той же газеты поэт Исай Тобольский пьянствуют и разбазаривают редакционное имущество. Выяснилось, что часть мебели они продали, часть растащили по домам, а главное, лишили редакцию транспортного средства – лошади с повозкой. Мебель озорники вернули, но лошадь, по их признанию, была продана знакомым татарам, живущим в Глебучевом овраге и занимавшимся скорняжеством и торговлей кониной. Как-то я решил, поскольку мы стояли за добрым стаканом в подвальном шинке на Московской улице, спросить Исаея Григорьевича, конечно не о мебели и лошадке, но о работе в пригородной районке, и он подтвердил рассказ «Гриши» и признался, что не понимает, почему тогда не спился, как Николай Корольков.

Бесспорным было его участие во фронтовой печати, правда, вряд ли служба в штате редакции, как иногда сообщают сайты: «Почти четыре года он колесил по военным дорогам в качестве корреспондента фронтовых газет».

Думаю, вернее так: «...не только рядовым красноармейцем, но и в качестве внештатного корреспондента газеты». О внештатном его участии в армейской печати свидетельствуют и те командировочные, а не редакционные удостоверения от редакций «Сталинское Знамя» 1943 года и «Вперёд за Родину» 1944, которые передала краеведческому музею дочь Тобольского. Сотрудничать не значит быть корреспондентом.

Сам он не любил распространяться на эту тему, и в справочнике «Писатели Саратова», вышедшем при жизни поэта, сообщается лишь о годе призыва в армию.

Видя разноречивую информацию о военном пути Исаея Григорьевича, я обратился к сайтам Министерства обороны РФ «Память народа» и «Подвиг народа», где содержится наиболее точная документальная информация о месте и роде службы ветерана, названиях частей и месте их дислокаций, а также указание, когда и за что он был представлен к правительственной награде.

Оказывается, в боевых действиях Исай Тобольский принимал участие с 01.02.1943 по 05.11.1944 и всегда в 166-м гвардейском стрелковом полку 55-й гвардейской

стрелковой дивизии, которая вела боевые действия в Краснодарском крае, с ноября 1943 года принимала участие в боях на Керченском полуострове до апреля 1944 года, затем была и Белоруссия, и Пруссия, что в точности отмечено и на карте ратного маршрута Тобольского в разделе «Боевой путь».

А представлен к награждению медалью «За боевые заслуги» он в качестве стрелка комендантского взвода за то, что «в боях за социалистическую родину имеет 3 ранения и все приказания командования выполняет добросовестно и аккуратно» приказом от 03.04.1944.

На том же сайте есть информация и о второй награде фронтовика, Ордене Отечественной войны 1 степени, которым награждали ветеранов ВОВ в связи 40-летием Победы, его 06.04.1985.

И если факт тяжелого ранения, как сообщается в явно недостоверной информации саратовской журналистки из «Земского обозрения» Любови Чирковой, никак не подтверждается, то контузия была, и ее последствия навсегда сохранились в характерных тиках лица. Говорят, что он страдал и нарушениями речи, я этого не помню, но слышал от подруги моей мамы, Лидии Михайловны Худобиной. Дружили они с войны, когда мама была стенографисткой в областной газете «Коммунист», а муж Лидии Михайловны главным инженером или технологом издательства «Коммунист». Лидия Михайловна любила и умела рассказывать, делая это в лицах, и одним из её персонажей был, как она его называла, Исайка. В некоторой пренебрежительности сказывалось, думаю, её пролетарское отношение к несерьёзному занятию Тобольского. При этом вспоминала, как встретила его на улице вскоре после Победы, и оказалось, что он перестал заикаться, объяснив: «От радости, Лидия Михайловна, от радости!»

6.

Саратовские читатели знали, что начинал Тобольский с детских стихов, и конечно пытался имитировать тройку Маршак-Барто-Михалков: их размеры и ритмы, темы и рифмы.

Природа:

*Весна! Весна! Звонят ручьи.
И снег – сплошное месиво.
Вода бежит, вода журчит,
Поет – и сердцу весело.*

Труд:

*Помолчал старик немного,
А потом добавил строго: –
Вот сюда взгляните, внуки,
Вот на эти руки... –
На мозолистые руки
Молча смотрят внуки.*

Пример для подражания:

*Гриша. Нина, я и Света
Провели в колхозе лето,
И работой, как могли,
Мы колхозу помогли.*

Восемь таких стихотворений составили первую, и до поэмы «Исповедь» (1970)

единственную московскую книгу Тобольского «Дедушкин секрет» (1959). А по мере разгорания холодной войны пришли новые темы. В стихотворном рассказе «О мальчике Томе», поэт поведал о маленьком негретенке на пароходе, плывущем из Америки.

*Усталые птицы –
За волнами вслед,
Как будто им места
В Америке нет.*

Бедного мальчика видит капитан, конечно с сигарой во рту, как рисовал врагов в «Крокодиле» Бор. Ефимов.

*– Убрать, чтоб не видел
Цветного щенка! –
И нервно
Подрагивает щека.*

*Вдруг Том покачнулся
И – вниз головой.
И, даже не вскрикнув,
Пропал под водой.
(Альманах «Огоньки», Саратов, 1950)*

Социальная экзотика и в последующем привлекала поэта. В 1964-м году в ленинградском журнале «Костер» появляется его поэма «Джуба», где в первых строках автор трогательно предупреждает читателя:

*Я сразу скажу,
Приступая к рассказу,
Что в солнечной Африке
Не был ни разу.
.....
А этот правдивый и грустный рассказ
От верного друга я слышал не раз.*

Поэма разоблачает натовскую военщину.

*По сумрачным джунглям,
По травам примятым
Шагали, шагали,
Шагали солдаты.
Чужие солдаты
Из дальней страны,
Не только от зноя –
От злобы черны.*

И они калечат героиню, которую не видел, но ярко изобразил поэт: «У маленькой Джубы / Кудряшки-черняшки / И белые зубы. / Глаза как маслины». Натовцы лишают маленькую африканку зрения, устроив пьяную стрельбу, которую для книги автор почему-то заменил на неверный запуск ракеты. В журнале поэма была проиллюстрирована: крохотная негритянка у ног великана в военной форме. На сайте с «Джубой» воспроизводится несколько отзывов старушек о том, как плакали в 1964 году,

читая поэму, которой поэт гордился, включая во «взрослые» сборники.

Но долго главной была тема минувшей войны. Жаль, что здесь с годами поэт уходил от конкретики в пафосную выпренность.

*Великая Печаль
Всегда проста.
Высокая Трагедия –
Безмолвна.
И тишина
Почти громоподобна,
Когда у Скорби
Сомкнуты уста.
Я был четыре года на войне.
Я знаю цену этой тишине.*

А вот как писал в 1942-м:

*На синем, с кровью смешанном снегу,
Где восемь суток бой сменялся боем, -
Лицом вперед, как рухнул на бегу,
Раскинув руки, умирает воин.
Последний луч в глазах его погас,
Застыла струйка крови возле уха.
А на руке размеренно и глухо
Стучат часы, встречая новый час.*

С годами поэт часто видит себя наставником читателя.

*Ищите радость!
Отправляйтесь в рощи,
Шагайте в горы,
Шествуйте в поля,
.....
Единственный совет тебе подам.
Возьми его, как хлеб берут в дорогу:
Нельзя молиться сразу двум богам,
Когда ни одному не веришь богу.
.....
До самой смерти
Помни два совета:
Ты так гляди
На звонкий луч рассвета...*

Стихотворное наследие Исаея Григорьевича разнообразно. Он постоянно писал о любви, рассказывал в стихе о колхозных буднях, не чурался и исторических тем, написав о декабристах и Лермонтове. Обостренная социальная чуткость направляла поэта и к совсем новой проблематике. Так, длинная поэма «Ограда» рассказывает о ветеране войны, поглощенном приумножением материальных благ. В те хрущевские времена, когда обложили налогом каждую яблоньку, в печати развернулась борьба с обуржуазиванием в его садово-дачном изводе. И саратовские писатели не могли остаться в стороне. Например, Григорий Боровиков напечатал в газете «Коммунист» рассказ об отставном полковнике, который на дачном участке выращивает на продажу яблоки; его рассказ даже

угодил в «Записку Г.К. Жукова в ЦК КПСС о жалобах генералов и офицеров-отставников на их отрицательное изображение в печати» (31 июля 1956 г.).

А в поэме Тобольского ветеран войны –

*Николай Петрович Хватов,
Ты сегодня рад:
Принесёт доход богатый
Ранний виноград
Кто – больному,
Кто – детишкам,
Так и разберут.
И глядишь,
По мелочишке
Сотни набегут.*

Но поэт не ограничивается приговором нравственному падению героя, в поэме разворачивается сюжет вокруг того, как от Хватова отвернулись и фронтовой друг, и сын, и даже соседи «Хватовых признали за буржуев, ты прочти-ка стенгазету во дворе».

Поэт ищет не только в темах. Он долго нащупывает собственную поэтическую мелодию, переходя от по-твардовски деловитой скороговорки к традиционной песенной задушевности, иногда до удивления напоминавшей песни Николая Палькина: *«Для другой сбереги свои речи, / И зачем ты пришел – не пойму. / Ни к чему нам теперь эти встречи, / Разговоры теперь ни к чему. / Не звала, не гнала тебя силой, / Сам ушел и сто лет пропадал... / Что ж так долго ты думал, мой милый, / Что ж так долго ты, милый, гадал? / Прежний путь навсегда запорошен, / И ничем не могу я помочь... / Ты всего опоздал, мой хороший, / На одну-разъединую ночь».*

Вообще он очень органично перекликался с современниками: «Уплыли твои пароходы, Умчались твои поезда». Кажется, это написано до Рубцова. А «душе моей покоя нет» это под впечатлением переводов Маршаком Бернса.

Однако с другими саратовскими поэтами Тобольского роднила лишь советско-патриотическая риторика. И в поисках ему аналога я вспомнил сибирского поэта, с которым некогда общался по общей любви к А.Н. Вертинскому.

Казимир Лисовский (1919–1980) родился на Украине в семье бухгалтера, с 1933 года жил в Красноярске, работал там в газетах «Сталинские внучата», «Большевик Енисея». На фронт его не взяли по причине костного туберкулеза. Первая книга стихов «Клятва» вышла в Красноярске в 1944 году. В 1945 году стал членом Союза писателей СССР.

Сближают годы рождения, провинциальное происхождение, время начала поэтической работы и выхода первых книг, и некая тематическая монохромность: Волга – Сибирь. И пили оба по-настоящему.

Различают происхождение: извозчик и бухгалтер, еврей и поляк, здоровье: Казимир был задыхавшийся инвалид-горбун, а Тобольский если и болел, так для больничного листа.

И еще сибиряк, хоть и не имел такого звездного часа, как саратовец с «Исповедью», издательски был гораздо благополучнее. Стихи о Сталине писали все, в т.ч. и саратовцы, но в распоряжении красноярца был Клондайк по имени Курейка, где в одной со Сталиным избе находился в ссылке еще и Яков Свердлов, о котором бойкий Казимир тоже еще в 1947 году издал книгу «В Туруханском крае»⁶.

⁶ Слышал я и еще много о Сталине всяких побасенок, но все они отдают дурным сочинительством, типа трескучих стихов и строчек, стихи сигающих со страниц сборников, писанных одичавшим от пьянства Казимиром Лисовским» (Виктор Астафьев).

Оба любили подчеркнуть свое гражданское поэтическое кредо.

Тобольский:

*Я бы тоже отмолчаться мог
И о чем-нибудь
Трезвонить bravo.
Но в такое время, видит бог,
Я на это не имею права!
Это право совесть отняла.
Вот опять тревожная газета.
Снова неотложные дела
Требуют вмешательства поэта.*

Лисовский:

*И если я строчкой своею
Хоть в тысячной доле помог
Обжить берега Енисея,
Прокладывать рельсы дорог,

Воздвигнуть завода громаду
В полярной, глухой стороне,
Мне лучшей награды не надо,
И этой достаточно мне!*

И я понял, что Казимир Лисовский возник в моей голове рядом с Тобольским по причине их беспримесной советскости, которая у большинства совписцев отклонялась в самые разные стороны, чего у Исаея и Казимира и близко не могло быть.

7.

Итак, поэма «Исповедь» (1970). Прочитую себя, чтобы вновь не искать слов.

«Был пленум творческих работников в зале саратовской Высшей партийной школы. Я сидел рядом с Тобольским, неподалеку – актеры драмтеатра, рассказывающие друг другу байки. У Тобольского в руках журнал “Огонек”, где напечатана его поэма. Актер Александр Михайлов попросил: “Разрешите журнал?” Тобольский протянул. Через какое-то время раздался его громкий крик: “Хамство! Хамство!” Я и не заметил, как Тобольский вскочил и кричал на актеров, тыча пальцем в последнюю страницу журнала, где они начали заполнять кроссворд. Михайлов, покраснев и извиняясь, протянул ему журнал. “Зачем он мне теперь?! – так же громко закричал Тобольский. – Вы его испортили, понимаете?! Испоганили!” Из президиума секретарь горкома партии Н.Б. Еремин, инвалид войны с протезом вместо правой руки, постучал, как обычно, искусственной черной кожаной ладонью по столу и громко попросил: “Исай Григорьевич, сядь пожалуйста!” Но Тобольский не сел, а забегал в проходе вдоль рядов, причитая уже потише: “Так оскорбить поэта, так оскорбить!”

После выхода “антисионистской” поэмы “Исповедь” саратовский поэт долгое время пребывал в непрерывном, как в буквальном, так и переносном смысле, опьянении. Он бесконечно рассказывал, как принес поэму в редакцию “Волги”, где главный редактор Шундик мгновенно прочел, обнял, поздравил и сказал: “Исай! „Волга” не то место, твоей поэме нужен международный резонанс!” И самолично отправил “Исповедь” в журнал “Огонек” с рекомендательным письмом Анатолию Софронову. Это первая часть его устной трилогии.

Вторая – та, что буквально через неделю сам Софронов звонит саратовскому поэту и приглашает в столицу за счет журнала. При встрече Софронов, как и Шундик, обнимает его и поздравляет. Особое место во второй части занимал эпизод с бумажником Софронова. “Исай! – сказал тот младшему коллеге. – Пока вам бухгалтерия выплатит гонорар, возьмите у меня”. И при этих словах автор “Стряпухи” доставал бумажник, объемом подобный его чреву. “Никогда бы не поверил, что у человека может быть при себе столько денег”, – делился впечатлением саратовец.

В третьей части звучала уже трагическая нота. Все чаще Исая Григорьевича можно было видеть в кафе “Юность” (располагавшемся в одном здании с редакцией “Волги”) сильно выпившим и в минорном настроении. Перед ним на столе, кроме графинчика с коньяком, лежал номер газеты “Литературная Россия”, где какие-то хулиганы напечатали восторженную рецензию на “Исповедь”, которая начиналась примерно так: “Имя автора поэмы „Исповедь”, мужественного советского поэта Исая Тобольского, занесено сионистскими боевиками в черные списки по обе стороны океана”. Тобольский поднимал на собеседника страдальческий взор, качал лысой головой и вслух повторяя эти страшные строки, надолго припадал к фужеру»⁷.

В «Исповеди» ставится знак равенства между фашистами, убивающими еврейских детей, и «израильскими агрессорами», стреляющими в арабских детей. Это написано в разгар т.н. антисионистской пропаганды, в которой поэту-гражданину захотелось поучаствовать.

*Вот он – тель-авивский дипломат,
Мастер закулисных махинаций.
Он сидит – как дома не сидят –
За столом Объединённых Наций!
То медовым голосом журчит,
То рычит, от злобы багровея,
Ржавые библейские ключи
Тыча в душу каждого еврея.*

Вряд ли правомерно и нагнетание однообразно тяжелых слов: «Волосы рвёт, обезумев старуха», «болью клокочет», «криками ужаса», «жгутами плетей», «матери глохнут от крика детей», «замертво падает мать на песок», «а из соска два ручейка: крови и теплого молока», «в судьи беру Справедливость и Честь...», но не стану судить поэму с точки зрения литературной, так как она получила премию софроновского журнала отнюдь не за поэтические достижения.

Куда более неожиданным было появление в том же «Огоньке» в 1978 году поэмы «Монолог».

*В кармане виза.
Связаны манатки
И пасквилей бумажная гора.
Ты столько лет
Играл с Россией в прятки...
Подбит итог.
Окончена игра.
<...>
К любой норе,
К любой чуждой берлоге
Приладится*

⁷ Новый мир. 2011. №3.

*Безродная душа,
Умеющая
Плакаться о боге,
А верить
Только богу барыша.*

<...>

*Я суд вершу!
Мой правый гнев
Не стынет.
Ещё не всё
Сказал я о тебе –
О беглеце,
Не знающем святыни,
О подлеце,
Которому отныне,
Как смертный грех
Зачислится побег!..*

<...>

*Ты тешил душу
В киснувшем болоте,
В трухлявой сплетне
На чужой волне,
В трусливеньком
Приблудном анекдоте,
Заморского пошиба
Болтовне.
В бессильной злобе
Истину пиная,
Страшась людей,
Искал болотный брод...*

Все-таки никто не заставлял его писать про гору бумажных пасквилей, которую зачем-то пакует в чемодан уезжающий советский еврей, про трухлявую сплетню на заморской волне, которую сам поэт конечно не слушал, но более всего меня уже тогда поразил словарь послевоенной «Правды», с омерзительным определением «безродный», которое запустил в пропагандистский оборот по его признанию тот самый Анатолий Софронов, в журнале которого нашел приют этот «Монолог».

8.

Я начал очерк с нашего сближения, и в 90-е мы ещё встречались за выпивкой, чаще в подвальчике на Московской, к чему никак не могли привыкнуть после ужасов сухого закона. Я любил слушать его рассказы, видеть, как он преображается, заново переживая былое. Как-то вспомнил он и исторический случай, когда исчез из дома на неделю, о чем встревоженная супруга сообщила в СП, и его нашли в Вольске, в сарае у какой-то дамы. Но как он рассказывал... «Получил гонорар (похлопывание по пиджаку), иду конечно в речной вокзал. Сижу, как положено, а душа поёт... Слышу, колокол, сейчас «Грибоедов» отчалит. Я туда, раз и уже в ресторане. Деньги-то (похлопывание по пиджаку) есть, рюмку ко рту поднёс, и – глаза! Нет, говорю, Исай, ты сегодня не напьешься! Это твоя женщина».

Иногда печатали его новые стихи:

Я ни о чем не спрашивал

*В том времени ином,
Захлебывался маршами
И ложью и вином,
Слепой слуга безглазого
Покорного пера.
Но это нынче сказано...
А где ты был вчера?*

Но и назвав себя «другими лгунами обманутый лгун», Исай Григорьевич, когда СП РСФСР раскололся, и мы, т.е. Арбитман, Слаповский, Кекова, мой отец и я, вошли в Союз российских писателей, не расстался со старой «патриотической» компанией.

Потом он перенес операцию на горле, в результате чего лишился речи, ходил с трубкой в горле. Таким я его и видел в последний раз на похоронах моего отца, где он притикал к маме, хрипя, размахивал руками.

Я его не хоронил, даже не знал о смерти, да и зная, вряд ли бы пошел в отделение СПР на Советской улице.

2020